

А. Н. Данилов¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ: РОЖДЕНИЕ НОВЫХ БОГОВ

Вначале о цивилизационном разломе... Последствия распада СССР оказались более трагическими, чем кому-то казалось раньше, и возникший цивилизационный разлом до сих пор преодолеть не удастся. Более того, он углубляется. Образовавшиеся на обломках бывшего Союза страны дрейфуют с разной скоростью в разные стороны. Как и во время любых перемен, в душах также начался разлом. В свое время Савва Ямщиков точно заметил: «Наиболее страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого постперестроечного времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память» [9]. Известный литератор Юрий Кублановский писал, что в «последние годы существования Союза... подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут — свои. Но еще страшнее — моральное оскудение» [2]. На головы сограждан хлынул грязный поток хулы... да такой, что культура была не в состоянии провести «экспертизу» и отделить зерна от плевел, выстроить новые приоритеты. В глобальном хаосе цивилизационного разлома уходил в историю советский «Титаник»: рождался новый мир с новыми традициями, ценностями, богами.

А. В. Смирнов утверждает, что «современную эпоху было бы точнее назвать эпохой борьбы за глобальное продвижение одного цивилизационного проекта» [4, с. 352]. Он говорит о западном... Но возможно ли вообще устойчивое существование и развитие мирового разнообразия, опирающееся на

¹ Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор более 300 научных работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий: «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Гуманитаризация науки и образования в переходный период» (в соавт.), «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте „Исследование европейских ценностей“» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей» (в соавт.), «Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды», «Синтез философии, науки и культур», «Современный социум в мире глобальных перемен» и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Социология». Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

единственную опору — западную европейскую цивилизацию? Не замечать уникальные цивилизации, которые представляют собой Китай, Индия, исламский мир, сегодня просто невозможно. Общество потребления, построенное западной европейской цивилизацией, доминирующее ныне в мире, зачастую рассматривается как единственно возможная перспектива современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляются в качестве образца для подражания. Предполагается, что ценностные установки такого рода общества обладают целым рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной жизни и открывают безграничные возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают.

В то же время сама реализация ценностных установок потребительского общества вне Европы порождает новые кризисы и противоречия, зачастую не вписываясь в национальные и культурные особенности других стран. Вот и возникает вопрос: приводит ли этот путь с преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе или эти проблемы свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь не безусловной преемственности его ценностных установок? Это тем более важно для обществ, в которых данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является органичным и возможны иные перспективы развития цивилизации. С этой точки зрения следует обратить внимание на то, что «речь идет об удивительном соответствии современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца XX века в связи с осмыслением современных глобальных проблем, но и о ее соответствии философским идеям, выросшим на почве самобытной культуры России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока» [5, с. 489]. Важно обозначить и развить эти представления о цивилизационных переменах, где интересен механизм и мотивы выбора нового, выявление их точек роста.

«Мир движется к новому социальному строю, зримые черты которого уже вполне рельефно выступают во многих странах мира» [3, с. 8]. Как правило, новая цивилизационная целостность возникает не как завершённый проект, она вырастает из глобального динамического хаоса, оставшегося от уходящей цивилизации. Переход к новой целостности фиксируется, усложняющиеся системы всегда наращивают уровень своей организации. Новый уровень организации означает и новое качество. И этот новый уровень организации всегда воздействует на предыдущие уровни, меняя их. Причем связано это может быть с появлением новых законов развития. Законы также появляются со временем. И если новый уровень развития достигается, то возникают и новые закономерности, которые могут сдерживать действие предшествующих, оказывать на них обратное воздействие, ограничивать их.

В процессе перехода меняются связи и отношения людей, коммуникации, способы видения мира, меняется сознание, культура. Все эти области постоянно взаимодействуют, и происходит развитие. Духовная матрица старой цивилизации, в которой мы сейчас живем, сформировалась. И, естественно, установился соответствующий тип развития цивилизации. В нем можно найти большое ценностное разнообразие, которое со временем нарастает. Здесь же можно обнаружить черты, отличающие традиционалистские цивилизации от ныне существующей.

Конечно, в своих размышлениях легко выдать желаемое за действительное. Что зачастую и происходит, когда речь заходит о таких фундаментальных вопросах, как цивилизационный разлом, возникновение точек роста новых цивилизаций. Почему же в реальности не происходит, казалось бы, самого разумного и обоснованного? Что стоит на пути к многополярному миру и принятию миром Другого? Все в самой природе человека и его принадлежности к определенной цивилизационной целостности, которая изменчива, избирательна, функционирует на орбите вполне конкретной логики собственного смысла. Сознание человека не может преодолеть притяжения, заданного и принятого им культурного кода. Принять диалог с

Другим, возможность конвергенции смыслов, образа жизни, культуры возможно, но почему-то цивилизационные целостности не пускают в свой круг иные и сами не стремятся вовне. Каждый народ, государство живут или стремятся жить в своей цивилизационной капсуле. «За будущее ведется яростная борьба, поскольку оно теснейшим образом связано с конфликтующими друг с другом общественными интересами» [7, с. 10]. Так сложилось, что к своему тридцатилетию новые независимые государства вступили в новый век без образцов для подражания, померкли и их кумиры, а новые оказались калифами на час.

Однако Запад по-прежнему притягивает... Хотя постсоветский мир через три десятилетия уже не так восхищен возможностями общества потребления, которое сложилось ныне в ряде стран Европы и США, и не видит только в нем единственно возможную перспективу современной цивилизации, а его идеалы и ценности уже не представляются достойным образцом для подражания. Предполагается, что ценностные установки такого рода общества обладают целым рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной жизни и открывают безграничные возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают. Надо признать, для подобных предположений имеются достаточно серьезные основания. Индивидуальное потребление, зачастую никак не связанное с реальными потребностями человека, становится все более массовым, а процессы глобализации, усиленно поддерживаемые странами, где потребительское общество уже сложилось, способствуют распространению соответствующих систем ценностей на все регионы мира. Анализ тенденций изменения ценностных ориентаций на постсоветском пространстве показывает стремительное движение от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения.

Вместе с тем сегодня не менее очевидными становятся и проблемы, возникающие в ходе реализации ценностных установок потребительского общества, причем проблемы, порождаемые этим обществом в себе самом.

Вопрос лишь в том, являются ли эти проблемы лишь преходящими затруднениями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе или они свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь не безусловной приемлемости его ценностных установок? Последний вопрос особенно важен для тех обществ, для которых данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является органичным и возможны иные перспективы развития.

В этой ситуации возникает вопрос: на какие ценности и жизненные смыслы ориентироваться в процессе глобализации? Есть ценности западного мира и то, как они реализованы в потребительских обществах Запада (прежде всего это Западная Европа, США), и есть остальной мир, где много, так сказать, «пережитков» или следов традиционалистских культур, которые по-своему были трансформированы в процессе модернизации. Кстати, эти процессы и есть перенос духовных матриц прежде всего западных обществ с заимствованием технологий и систем образования на традиционалистскую почву.

Сейчас Запад позиционирует себя так: есть традиция, есть история — берите наши идеи, наши ценности, живите по ним и вы будете жить в материальном благополучии, как и мы. Некоторые новые суверенные государства из бывшего социалистического лагеря пошли по этому пути. И, если бы речь шла об очередной модернизации, то, может быть, это так бы и было. Но дело в том, что современная западная цивилизация сама вступила в такую стадию развития, когда она вызвала глобальный кризис (экологический, антропологический), с которым не справляется. Этот кризис порождает массу других, более частных: это и экономический, и финансовый кризис, и кризис культуры. Поэтому речь идет о выборе новых стратегий развития, и в таком случае возникает вопрос: как можно положить в основу новых стратегий тот опыт и ценности, которые привели к кризисам? Можно ли их пролонгировать и будет ли это счастливый путь для человечества? Или надо к ним критически отнестись и взять курс на новую многоцивилизационную целостность? Тогда

вопросы ставятся так: на какой основе мы будем сопрягать разные ценности, вырабатывать новую ценностную базу? Какие пути, механизмы могут быть у этого развития?

Здесь на первый план выходит проблема трансформации базовых ценностей, которая во многом определила цивилизационный разлом и формирует содержание новой цивилизационной целостности. В постиндустриальном мире, когда возникло общество потребления, и рациональность начинает толковаться иначе, и наука, и экономическая жизнь общества тоже рассматриваются иначе. Вот с этих позиций было бы интересно посмотреть, какие изменения ценностей произошли в потребительском обществе, и рассмотреть новые точки роста для будущего. Что же является такими изменениями, которые просто усугубляют уже наметившийся глобальный кризис? Проблема ценностей — это проблема выработки некоего общего содержания, которое призвано способствовать выходу из глобального кризиса. Если этого не будет, то это не те ценности, на которые можно ориентироваться.

Э. Гидденс в своей известной работе 1990 года дает однозначно положительный ответ на вопрос: «Является ли современность западным проектом?» и объясняет его тем, что «национальное государство и систематическое капиталистическое производство», которые «имеют свои корни в специфических характеристиках европейской истории и некоторые соответствия в предыдущих периодах или в других культурных условиях. Если в тесной взаимосвязи друг с другом они с тех пор распространились по миру, то это, помимо всего прочего, произошло из-за силы, которую они создали. Никакие другие, более традиционные социальные формы не были способны конкурировать с этой силой так, чтобы быть в состоянии сохранять полную самостоятельность и не быть затронутыми тенденциями глобального развития» [1, с. 322–323]. И далее: «Радикальный поворот от традиции, присущей рефлексивности современности, порывает не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [1, с. 324].

Чаще всего именно всеобщий хаос предшествует возникновению новой цивилизационной целостности. В нем уже зарождаются точки роста нового. Но выход к этим точкам может быть вовсе не на Западе, а как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву. Задача состоит в том, чтобы возникновение новой многоцивилизационной целостности стало проектом реального многополярного мира. Поэтому, не игнорируя многовекового опыта развития греко-латино-европейской культуры, следует, по убеждению Смирнова, провести «исследование логики незападных культур в данном ключе, что составляет первейшую задачу теоретической разработки проекта многоцивилизационного мира» [4, с. 357].

В настоящее время появились новые информационно-коммуникативные возможности, которые раздвинули национальные границы, превратив мир в большую деревню, где невозможно скрыться от навязчивых электронных глаз. Компьютерные технологии стали многое определять в жизни человека, формировать свой мир — виртуальный. Возможности искусственного интеллекта поставили под сомнение будущее самого *homo sapiens*. После распада системы социализма было объявлено о полной и безоговорочной победе западной модели развития и установлении однополярного мира. Но что-то пошло не так...

К сожалению, концепция всечеловеческого, которая была развита в русской мысли XIX–XX веков, до сих пор не воспринимается как будущее многоцивилизационного мира. Сложно принять Другое, оторваться от своей локальной культуры, которая является безальтернативной и навязывается для воплощения в глобальном цивилизационном проекте. Еще раньше В. С. Степин подчеркивал: «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [6, с. 737].

В каждой эпохе есть свои доминанты влияния на формирование национальной идентичности. Сейчас мы вступили в эпоху информационного общества, где очень многое зависит от глобальной паутины с ее неограниченными возможностями. Созданный человеком виртуальный мир стал воспроизводить и закреплять в социокультурном коде нового поколения жизненные смыслы и поведенческие установки, не прошедшие адаптацию в реальном культурном пространстве. Здесь возможно серьезное расхождение между государственной культурной традицией, историческим опытом народа и жизненными установками нового поколения. Конечно, это механизм непрямого действия. Надо смотреть, что «передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [8, с. 321]. Новые риски и вызовы требуют своевременных и адекватных перемен. В последнее время мир столкнулся с глобальной нестабильностью, адаптация к которой стала мотивом для перехода к новой модели цивилизационного развития.

Преодоление цивилизационного разлома видится в признании многоцивилизационности, а значит, и многополярности мира. Основным противоречием текущего момента в связи с этим становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира и отсутствием проекта многоцивилизационного мира (А. В. Смирнов). Выход к точкам роста многоцивилизационной целостности может быть вовсе не на Западе, а в тех культурах, которые сохранили традиционную почву, несмотря на воздействие модернизационных процессов. Задача состоит в том, чтобы возникновение новой многоцивилизационной целостности стало проектом реального многополярного мира.

Таким образом, резонно поставить вопрос о том, что тридцатилетие постсоветских поисков оставило в душах людских, наполнились ли они добром и светом, восторжествовала ли историческая правда и что есть память народная без искажений и изъятий, преодолено ли моральное оскудение... И мы увидим, как много еще предстоит сделать, чтобы наша культура вновь воссияла и была в состоянии вершить таинство сотворения светлого будущего, отделять зерна

от плевел, была готова принять новый многоцивилизационный мир, который сотворит и новых богов...

Литература

1. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс. — Москва : Праксис, 2011. — Текст : непосредственный.
2. *Кублановский, Ю.* 90-е принесли настоящую катастрофу / Ю. Кублановский. — Текст : электронный // Свой : приложение к газете «Культура». — 2016, 6 авг. — URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/zvanyy-gost/138486-yuriy-kublanovskiy-90-e-prinesli-nastoyashchuyu-katastrofu/> (дата обращения: 13.05.2022).
3. Новое интегральное общество : общетеоретические аспекты и мировая практика / под редакцией Г. Н. Цаголова. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — Текст : непосредственный.
4. *Смирнов, А. В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / А. В. Смирнов : [2-е изд.] — Москва : ЯСК, 2021. — Текст : непосредственный.
5. *Степин, В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — Минск : Беларуская навука, 2021. — Текст : непосредственный.
6. *Степин, В. С.* Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. — Текст : непосредственный.
7. *Урри, Дж.* Как выглядит будущее? / Дж. Урри. — Москва : Дело : РАНХиГС, 2019. — Текст : непосредственный.
8. *Харари, Ю. Н.* 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2019. — Текст : непосредственный.
9. *Ямщиков, С. В.* [Выступление] / С. В. Ямщиков. — Текст : непосредственный // А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции : материалы научно-общественной конференции. — Псков : Сельцо Михайловское, 2009. — С. 21–24. (Сер. «Михайловская пушкиниана»; Вып. 49).